

первое представление о своем назначении, обретает в борьбе и страдании истинный смысл своей жизни, *превозмогая раздельность своего природного и социального бытия* и сращивая *disjecta membra* Идеи в *единую всеобъемлющую Субстанцию*. Если „субъективный дух“ обнаруживает истинный смысл *природы*, а „абсолютный дух“ раскрывает истинный смысл *Божества*, то „объективный дух“ вынашивает истинный смысл *человеческой жизни* как среднего состояния между жизнью Бога в природе и в самом себе.

Проблема „человека“ есть как бы сосредоточенная проблема „действительного мира“, ибо *человек есть Божественное в эмпирической, конечной форме*. Все нити и узлы мировой трагедии сходятся в нем и находят свое разрешение. Человек есть тот центральный пункт мира, где страдания божественного начала достигают своей вершины и находят выход в абсолютную свободу.

Глава пятнадцатая

ВОЛЯ

Смысл человеческой жизни состоит в осуществлении *свободы*, или, что то же, в *целостном раскрытии разумной и благой воли*. Это совершается так, что человеческая душа постепенно преодолевает эмпирическую и конечную форму существования, постигает свою всеобщность и предает себя жизни единой Субстанции. Но спекулятивная сила и субстанциальная жизнь не приходят к человеку извне; они *присутствуют в нем с самого начала*, искони составляя его глубочайшую сущность. Путь к разумной воле и, далее, к не субстанциальной свободе есть путь *самоуглубления*, совершаемый человеческой душой.

Этот путь „спекулятивной метаморфозы“ ведет свое начало, как всегда, от содержательной бедности, непосредственной простоты и абстрактной единичности, восходя к содержательному богатству, опосредствованной и осложненной простоте и конкретной всеобщности. Каждое из низших состояний души не исчезает бесследно и не остается позади, но сохраняется в виде момента на высшей ступени развития.¹ Разумная воля как высшая ступень субъективного духа есть состояние углубленное, конкретное и в то же время целостно-простое: низшие состояния собраны, сосредоточены в нем и образуют не пеструю совокупность эмпирических определений, но классически простой *modus*

¹ Епс. III. 12—13.

vivendi духа. Душа, в аспекте воли, разумна и цельна, и всею бесконечною силою своей направлена на единый предмет — Бога или абсолютную свободу. Она созревает в виде субъективного духа и постепенно слагает тот уровень, на котором раскрываются ее состояния, именуемые „правом“, „моралью“, „нравственностью“ и „государством“.

Итак, сфера объективного духа раскрывается в элементе человеческой воли, насыщенной разумом и выросшей до состояния свободного самоопределения. Такая воля есть результат предшествующего спекулятивного процесса, исток которого совпадает с началом душевной жизни, загоревшейся в глубине „естественного организма“. Так представляется Гегелю процесс созревания субъективной воли.

Низшей ступенью субъективного духа является „естественная душа“, непосредственно погруженная в простые процессы своего природного бытия.¹ Она живет, растворенная в тех содержаниях, которые ей навязывает природа, и подвергается ее влияниям и определениям: душа определяется климатом,² возрастом,³ расою,⁴ наследственностью, темпераментом,⁵ половым влечением⁶ и властью сна.⁷ Она предается „простому пульсированию“,⁸ „смутному плетению“⁹ бессознательной и нерассуждающей жизни.¹⁰ Она не выходит из своего, вполне личного и субъективного своеобразия¹¹ и даже не отличает субъективного от объективного;¹² высшее, на что она способна, это ощущение (Empfinden) того, что ломится в нее извне, и того, что внутренне разряжается в ней. Это ощущение заставляет ее приурочить одни содержания к „своему телу“, другие, наоборот, — к внутреннему, „к себе“, и испытать себя как „тотальность своих ощущений“.¹³ В этом испытании есть уже начало рефлексии в себя, возврата к себе: душа становится чувствующей душой.¹⁴

В чувствовании (Fühlen) душа нашла себя как субъекта своих ощущений.¹⁵ Ее ощущения, суть ее ощущения, а она есть их „внутренняя индивидуальность“;¹⁶ она есть „особый“,¹⁷ замкнутый мир своих „внутренних определений“¹⁸ — монада.¹⁹ Чувственные ощущения уже не держат ее в плену;²⁰ напротив, она различает их²¹ и обособляет себя от них.²² Сначала она еще пассивна, растворена в процессе чувствования и не отождествляет

¹ Ср.: Enc. III. 54—55.   ² Enc. III. 57.   ³ Enc. III. 57, 87.   ⁴ Enc. III. 64. 72—73.   ⁵ Enc. III. 81—82.   ⁶ Enc. III. 103.   ⁷ Enc. III. 103—105.   ⁸ „einfaches Pulsiren“: Enc. III 54 (Z.).   ⁹ „dumpfes Weben“: Enc. III. 116—117.   ¹⁰ Ibidem.   ¹¹ Enc. III. 117. 119 (Z.). 120 (Z.).   ¹² Enc. III. 56. 120 (Z.).   ¹³ Enc. III. 120. 142.   ¹⁴ Enc. III. 142.   ¹⁵ Enc. III. 151.   ¹⁶ Enc. III. 149. 151.   ¹⁷ Enc. III. 151.   ¹⁸ Enc. III. 147. (Z.).   ¹⁹ Enc. III. 151.   ²⁰ Enc. III. 144. (Z.).   ²¹ Enc. III. 151.   ²² Enc. III. 54.

себя со скрытым в ней „гением“ *ее самости*;¹ чувство, не сдерживаемое мыслью и волей,² ведет ее своими глухими³ путями, превращая ее в сомнамбулу.⁴ Затем она просыпается, отделяет себя от своих чувствований и, переходя по очереди от одного аффекта к другому, утверждает свое субъективное единство: душа становится *самочувствием*.⁵ Однако власти над своими содержаниями она еще не имеет; аффекты ведут *психофизиологическое* существование, выходят из подчинения, утрачивают свою текучесть и увлекают душу во всевозможные душевные болезни.⁶ Лишь постепенно, силою *привычки*, душа овладевает своими аффектами, механизмирует их течение и движется в них с бессознательной целесообразностью.⁷

Овладевая своими ощущениями, идущими *от* тела, и чувствованиями, тяготеющими к телесному разряду, душа тем самым овладевает *самим* телом и становится *действительной* душой.⁸ Она достигает тождества между собою и своим „внешним“ и подчиняет его себе;⁹ тело проработано душой и присвоено ей; оно *изображает* душу и становится ее знаком, ее первым явлением, ее созданием.¹⁰ Это означает, что душа *освобождает себя от тела, оставаясь в теле*; и, освободившись, „противопоставляет“ его себе, отделяет себя от него, „негирует“ его и обращается к себе.¹¹ Душа становится *сознанием*.

Сознание есть душа, утратившая свою непосредственность:¹² она живет не „в объекте“ и не „объектом“, но „об объекте“. Это значит, что она противопоставляет „себя вообще“ как некоторое „внутреннее“, „идеальное“, „Я“ „объекту вообще“, каков бы он ни был.¹³ Душа утверждает *себя* как абстрактную всеобщность, а *объект* как „естественную тотальность своих определений“;¹⁴ она *относится к нему* и в то же время совершает рефлексю в *себя*, являя впервые „бесконечность“ духа.¹⁵ В этой рефлексии она возвращается к себе как своему окончательному средоточию, достоверному,¹⁶ идеальному тождеству.¹⁷ „Я“ — это субъект сознания и знания, начало „мысли“¹⁸ и потому начало света¹⁹ и *уверенности*. Осознав свое „Я“, душа достигает, своего тождественного центра, той *достоверности* (Gewissheit), которая конституирует ее существо.²⁰ Эта опора дает ей возможность приступить к борьбе с объектом.

¹ Enc. III. 151. 152.   ² Enc. III. 166.   ³ „dumpf“. Enc. III. 164.   ⁴ Enc. III. 162—198.   ⁵ Enc. III. 198.   ⁶ Enc. III. 198—201. 202—228.   ⁷ Enc. III. 229—239.   ⁸ Enc. III. 239. 241 (Z.).   ⁹ Enc. III. 239—240. 54.   ¹⁰ Enc. III. 239. 240. 241. (Z.).   246 (Z.).   ¹¹ Enc. III. 246. 43 (Z.).   ¹² Enc. III. 40. 249.   ¹³ Enc. III. 43. (Z.).   44. (Z.). 246—247.   ¹⁴ Enc. III. 247.   ¹⁵ Enc. III. 40. 246. 249.   ¹⁶ „Gewissheit seiner selbst“: Enc. III. 249.   ¹⁷ Ibidem.   ¹⁸ Enc. III. 253. 249.   ¹⁹ Enc. III. 249.   ²⁰ Enc. III. 250. (Z.).

Обращаясь к объекту, сознание прежде всего освобождается от непосредственно-чувственного отношения к нему¹ и стремится воспринять его в его истинных свойствах (*wahrnehmen*).² Силою восприятия и воображения оно вступает с ним в тождество и начинает расчленять и определять добытое на этом пути:³ оно становится *знающим* сознанием. Определяя и познавая, оно подводит единичный, содержательный материал под всеобщие понятия и абстрактные категории; сознание становится *рассудком* и построяет, таким образом, „законы природы“.⁴ Эти всеобщие законы схватывают и удерживают само существо явлений: *закон есть сущность объекта*. Но закон создан не объектом: он осознан, раскрыт и начертан силою субъективного сознания; он есть продукт „всеобщего“.⁵ И вот, душа убеждается в том, что сущность объекта порождена субъектом; что в предмете субъект находит *самого себя* и что сознание „иного“ есть в сущности *самосознание*.⁶

Однако рассудочное самосознание остается в отрыве от объекта; оно абстрактно, субъективно и единично. Оно видит вокруг себя предметы и подходит к ним первоначально с жаждою и алканием;⁷ оно потребляет их своекорыстно и уничтожающе,⁸ растворяясь в этом потреблении; оно не признает их самости и, *утрачивая* в бессамостном (*selbstlos*)⁹ объекте свое *самосознание*, возвращается к себе с новым алканием. Этот опыт научает душу иному отношению к объекту: самосознание приучается *видеть в предмете начало свободной самости* и становится „*признающим самосознанием*“.¹⁰

Такова встреча *двух индивидуальных самосознаний*, стремящихся показать друг другу свою свободу и, одним своим существованием, ограничивающих друг друга. Отсюда между ними возникает борьба на жизнь и на смерть; она заканчивается победой одного и господством (*Herzchaft*) его над другим.¹¹ Борьба и жизнь в подчинении заставляют покоренного слугу (*Knecht*) *преодолеть в себе бескорыстие* и тем открыть себе доступ к *бескорыстному предметному и разумному созерцанию вещей и отношений*. Вынужденное *самоотречение* является для него *началом внутренней свободы*: он научается видеть *свою сущность за пределами внешнего принуждения* и признавать в господине такую же свободную глубину. Совершается „*предметный подъем*“¹² непосредственной и единичной души; и подъем этот неминуемо, силою и верностью своею, заражает и господина.¹³

¹ Енс. III. 255—258.   ² Енс. III. 260—261.   ³ Енс. III. 261.   ⁴ Енс. III. 262—263.   ⁵ Енс. III. 262—265.   ⁶ Енс. III. 265—268.   ⁷ „*Begin-*
erde“: Енс. III. 270.   ⁸ Енс. III. 273.   ⁹ Енс. III. 274. (Z.).   ¹⁰ См.:
Енс. III. 274.   ¹¹ Ср. уже: Lass. II. 445—447.   ¹² Енс. III. 283.   ¹³ См.:

Так самосознание приучается не просто „сознавать объект“, но сознавать его как особое самосознание, „иное“ по эмпирической видимости, но *столь же разумное и духовное*: объект становится для субъекта *органом общей и единой стихии*. Это означает, что субъект научается видеть в объекте явление того *Разума*, который составляет сущность *самого субъекта*;¹ он видит в предмете „себя“, а в „себе“ — разумную сущность;² он вступает в сферу разума, т. е. тождества субъекта и объекта,³ и в сферу духа, т. е. чистого разумного самоопределения.⁴

Дух есть „истина“ души и сознания,⁵ т. е. он объемлет душу и сознание, но только на *высшем* уровне. Состояние субъекта духовно тогда, когда он в предмете своем *не видит ограничивающего инобытия*,⁶ но осуществляет знание субстанции, которая ни „только субъективна“, ни „только объективна“.⁷ Дух имеет дело *лишь со своими собственными определениями*;⁸ он начинает с непоколебимой уверенности в том, что *мир есть разумное Понятие* и что *Понятие имеет предметную реальность*.⁹

Однако эта концепция остается для него только *заданием*,¹⁰ а сам дух, исповедующий ее как истинную, остается субъективным и конечным.¹¹ Он стремится к познанию, к *теоретическому оправданию* такого мировоззрения и оказывается *интеллигенцией*.

Задача *интеллигенции* в том, чтобы найти верный и адекватный *modus cognoscendi*, т. е. такой *способ знания*, который придал бы жизни духа характер действительного и истинного *самоопределения*. Душа человека должна выстрадать себе ту глубину, на которой она подлинно увидит, что *всякое движение духовной жизни есть самоопределение*, и что *дух есть творческая энергия, раскрывающая себя из себя*. Тогда интеллигенция станет *волею*.¹²

Итак, дух в качестве интеллигенции работает над своим внутренним „идеальным“ миром, выковывая себе *самоопределяющуюся жизнь*;¹³ ему необходимо преодолеть те способы познания, которые мирятся с „данным“ или пассивно „найденным“ объектом;¹⁴ он ищет *знание*, которое было бы равносильно *созданию предмета*, — он ищет *интуитивное мышление*.

Разумное самосознание в последний раз обращается к низшим ступеням душевной жизни, но уже с твердою верою в свою духовность; оно „снимает“ их и вырачивает из них спекулятивную мысль. *Ощущающий опыт* мобилизует для духа весь непосредственный материал знания;¹⁵ *внимание* фиксирует пред-

¹ Ср.: Епс. III. 283—286.   ² Епс. III. 255.   ³ Епс. III. 286.   ⁴ Епс. III. 286—287. 40.   ⁵ Епс. III. 287.   ⁶ Ср.: Епс. III. 288.   ⁷ Епс. III. 288.   ⁸ Епс. III. 288.   ⁹ Ср.: Епс. III. 289 (Z.).   ¹⁰ Ср.: Епс. III. 291. 296. 297. (Z.). 293. (Z.).   ¹¹ Епс. III. 291. 293. (Z.). 45 (Z.). 298.   ¹² Ср.: Епс. III. 296.   ¹³ Епс. III. 298.   ¹⁴ Епс. III. 305 (Z.). 301.   ¹⁵ Епс. III. 308—311.

мет,¹ собирает и объединяет внутреннюю энергию духа,² подавляет вторгающийся произвол субъекта³ и заставляет его предаться предмету;⁴ созерцание внимательно испытывает предмет, проникая из разумной глубины субъекта в разумную глубину объекта,⁵ и ухватывает зрелую субстанцию предмета.⁶ Далее, *представление* уводит добычу созерцания во внутренний мир духа и овладевает ею⁷ на трех этапах: *усвоение* (Eingepengung, *собств. воспоминание*) погружает узренный образ (Bild) предмета в „ночную шахту“ бессознательного, сохраняет его, подводит его под свои представления и опознает его как свою собственность;⁸ *сила воображения* извлекает присвоенное содержание из субъективной глубины,⁹ воспроизводит его в виде заново созданного образа,¹⁰ устанавливает ассоциативные связи между ним и другими образами¹¹ и, насыщая свое создание *всеобщим значением*, превращает его в спекулятивный символ духа, хранящий в себе подлинное присутствие выражаемого содержания;¹² образ как символ *духовного содержания*, т. е. *предмета*,¹³ получает особое наименование¹⁴ и становится посредником между предметом и именем; наконец, *память* закрепляет связь между *предметом и названием*, *выбрасывает посредничество* чувственного образа и воспроизводит *содержание предмета по одному имени*;¹⁵ когда же она овладевает материалом *вполне*, она получает механическое господство над устойчивыми, и потому всеобщими,¹⁶ предметными содержаниями: *внутренняя сила субъекта усваивает до конца чувственно-безобразный предмет, а безобразный предмет проникается движением субъективного духа. Душа созрела до мышления.*¹⁷

Интеллигенция *мыслит*. Это означает, что ее основная сила имеет дело со своим *собственным продуктом* — *устойчивым, безобразным, всеобщим предметом, т. е. мыслью*. „Мыслить“ значит „иметь мысли“, т. е. иметь их в качестве своего содержания и предмета.¹⁸ Стихия духа *всеобща*, ибо едина, устойчива, субстанциальна и всепроникающа; предмет ее так же *всеобщ*, ибо устойчив, существен и отвлечен от образного многообразия. Субъект создал себе предмет, вполне имманентный, и в познании его он узнает себя как *истинную сущность вещей*.¹⁹

¹ Enc. III. 308. (Z.).   ² Enc. III. 311. 312. (Z.).   ³ „das eigene Sichgeltendmachen“: Enc. III. 313. (Z.).   ⁴ „Sich-hingeben an die Sache“: Enc. III. 313 (Z.).   ⁵ Ср.: Enc. III. 318. 319 (Z.).   ⁶ Enc. III. 319 (Z.).   ⁷ Enc. III. 307. (Z.). 321. 322. (Z.). 322.   ⁸ Enc. III. 323 (Z.). 328.   ⁹ Enc. III. 329.   ¹⁰ Enc. III. 328 (Z.). 331 (Z.). 329.   ¹¹ Enc. III. 329. 331. (Z.). 332. (Z.). 333.   ¹² Ср.: Enc. III. 331. (Z.). 346.   ¹³ „Bedeutung“, „Sache“: Enc. III. 346. 347. 351.   ¹⁴ Enc. III. 346.   ¹⁵ Enc. III. 347. 348.   ¹⁶ Enc. III. 346. 352. 353.   ¹⁷ Enc. III. 352. 353.   ¹⁸ „das Denken der Intelligenz ist Gedanken haben; sie sind als ihr Inhalt und Gegenstand“: Enc. III. 353. Курсив Гегеля.   ¹⁹ Ср.: Enc. III. 353. 353. (Z.). 354 (Z.). 357 (Z.).

Мышлению остается еще подняться от *формально-рассудочного* состояния к *спекулятивно-разумному*,¹ и *теоретическое* освобождение *субъективного духа* будет закончено. От тождественного пребывания в абстрактных понятиях мысль уходит к „перворазделам“ суждений и завершает свое восхождение в конкретных „слияниях“ умозаключений.² Субъективное мышление отдает себя во власть живого, объективного Понятия³ и становится *стихией разумного самоопределения*.

Воля и есть стихия разумного самоопределения.

Но, прежде всего, она есть *стихия субъективного духа*, и постольку она зарождается первоначально в виде личного, непосредственного, *чувствующего* самоопределения, которое может быть и разумным, но может носить случайный и субъективный характер.⁴ Воление, основанное на *чувстве*, может быть „одно-сторонним, несущественным, дурным“;⁵ оно может не соответствовать разумному, существенному⁶ пути духа: радость и удовольствие, стыд и страх⁷ имеют случайное содержание, *не вырастающее из них имманентно*, как того требует природа разума,⁸ но приходящее извне. А между тем разумное самоопределение должно *исходить от самой воли*. Пытаясь приблизиться к этому, воля сосредоточивается на каком-нибудь одном содержании и утверждает себя как *страстное влечение*, стремящееся создать себе удовлетворение.⁹ Она полагает себе *цель* и связывает с нею свой *интерес*;¹⁰ но она ищет *полного* удовлетворения и, не находя его, пытается руководить собою посредством *мыслящей рефлексии и выбирающего изволения*.¹¹ В этой борьбе между различными влечениями, интересами и склонностями она постигает, наконец, что полнота удовлетворения, *блаженство*,¹² будет достигнуто только тогда, когда *цель будет вполне соответствовать основной и всеобщей разумной сущности воли*. Цельное удовлетворение есть удовлетворение *духа в целом*, взятого в виде *тотальности и всеобщности*; для того чтобы достигнуть блаженства, воля должна опуститься в ту *последнюю глубину духа*, которая охватывает всю душу именно потому, что владеет ее *последними, абсолютными* корнями. Только воля, опустившаяся на этот уровень и отождествившая себя со *все-проникающей* сущностью духа, может добыть полноту удовлетворения: ибо только она может *имманентно* создавать свой предмет, необходимый ей для удовлетворения; только она есть *всеобщая субстанция души*; только она свободна; только ей

¹ Енс. III. 354 (Z.). См. главы первую, вторую и третью. ² Енс. III. 355. ³ Енс. III. 358. ⁴ Енс. III. 361. 362. ⁵ Енс. III. 362. ⁶ „Selbstbestimmung, als an sich seiend“: Енс. III. 363. Курсив Гегеля. ⁷ Енс. III. 364. 365. (Z.). 366 (Z.). ⁸ Ср.: Енс. III. 363. 366 (Z.). ⁹ Енс. III. 367. 367—368 (Z.). ¹⁰ Енс. III. 370. 371. ¹¹ Енс. III. 371. 372. ¹² Енс. III. 372. 373. „Die Glückseligkeit“.

доступно абсолютное и свободное самоопределение. Только она есть *истинная Воля*.

Таким образом, *Воля есть конкретный итог всего пути*,¹ пройденного субъективным духом. В устах Гегеля это не схема и не фраза, но тезис, полный самого существенного значения. Подобно тому как в его учение вообще невозможно проникнуть, не усвоив *воображающей мыслью* природу спекулятивного Понятия; подобно этому, невозможно понять что-нибудь в его философии права и нравственности, не усвоив *конкретную природу Воли*. Необходимо принять с полным и серьезным вниманием *все* основные указания его; и тогда откроется следующее.

Воля есть *человеческая душа в целом, достигшая уровня свободного самоопределения*. Человеческое существо, во всех его существенных чертах и свойствах, оказывается сведенным к гармоническому единству и подчиненным самой глубокой, стихийной силе души. Эта сила есть разум как абсолютно благая и творчески-самоопределяющаяся энергия духа.

В этих определениях каждый термин должен быть насыщен живым, созерцающим разумением.

Воля есть *органическая цельность всех существенных свойств и деятельностей человека*; но все эти свойства человеческого существа *подчинены* господству его *духовной глубины, преображены ею* и превращены в *ее покорный знак*. „Естественная душа“, с ее определениями, и тело образуют крайний предел внешнего явления воли; воля приемлет материально-физиологическое обличие и выковывает из пространственных, временных и органических состояний свое верное орудие, свой знак — *телесный организм*. Воля есть „действительная“ душа: *духовный „гений самости“*, свободный в своем телесном организме. Далее, она есть „сознание“, но уже не оторванное от своего объекта; она есть „внутреннее идеальное Я“, но не в смысле эмпирического сознания, а в смысле метафизического *самомышления*; она есть „бесконечная рефлексия“ — творческий возврат Понятия к себе. Воля есть „*тождественный центр души*“ в его „*абсолютной достоверности*“; она создает закон объекта, и даже более того: она *создает самый объект*; поэтому она „*сознает себя*“ в объекте и знает объект как *свое состояние*. Воля есть, далее, та „*бескорыстно, предметно живущая*“ сила, которая знает, что субъект и объект суть лишь *модусы единой субстанции, всеобщей Воли*. Она есть дух „*свободный от инобытия*“, т. е. Разум, т. е. „*интуитивное мышление*“, для которого *познать* значит *создать*. Воля есть „*интеллигенция*“, *уводящая* всякий предмет в свою глубину и *создающая его из себя* в новом, существенном сиянии;

¹ Ср., напр.: Recht. 60—61. 365.

она есть энергия самого Понятия, мыслящего себя активно и свободно; она есть самоопределение разума как *глубочайшей и свободной стихии духа*. Воля есть, *единая и цельная страсть духа, нашедшая свой достойный уровень и ищущая ныне полного удовлетворения своей разумной и благой природе*. Путь к этому удовлетворению есть уже путь объективного и, далее, абсолютного духа.

Такова воля как зрелый итог субъективного духа. Она есть „истина“ интеллигенции, т. е. высшая ступень разумно-познающего состояния человека.¹ Это означает, что воля есть *особое состояние мыслящего духа*, такое, в котором субъективная душа человека является созревшей к *действию*, к творчеству, осуществляющему ее коренное и целостное влечение. Воля есть *дух*² в его практическом,³ *раскрывающем себя и творящем свою цель порыве*.

Отсюда следует, что все те, кто разделяют или противопоставляют *мысль и волю*, заблуждаются.⁴ На самом деле воля есть *species мысли*: мысль придает себе значение воли и остается ее основой и субстанцией.⁵ „Без мышления не может быть воли, и самый необразованный человек есть воля лишь постольку, поскольку он помыслил; животное, напротив того, не может иметь волю именно потому, что оно не мыслит“.⁶ *Воля есть „мыслящий разум“*,⁷ и только в этом виде она может утвердить свою свободу⁸ и сообщить себе истинное и достойное содержание⁹

Ибо истинное состояние воли есть *самоопределение*; а истинное и абсолютное самоопределение дается *только мысли*.

Самоопределение есть сущность воли, ее жизнь, ее стихия, ее *essentiale*. Самоопределение и воля просто совпадают в понимании Гегеля. Воля, которая не способна определить себя к чему-либо, есть постольку *слабая воля*, безволие, своего рода „слабая сила“; воля, которая определяет не себя, а нечто другое, *уже определила себя* к тому, чтобы определить что-то иное. Самоопределение есть та основная функция воли, без которой воли *нет*, а при наличности которой, воля имеет бытие. Воление состоит в том, что воля *самоопределяется*:¹⁰ „замыкается в себе“,¹¹ „наполняет себя из себя“,¹² „даст сама себе содержание“¹³ и оказывается „рефлектированной в себя“¹⁴ и „тождественной

¹ Ср.: Enc. III. 373. Enc. I. 397.

² Ср.: Niet. 340. Enc. III. 359 и др.

³ Ср.: Niet. 340. Enc. I. 397. Enc. III. 373.

⁴ Ср.: Enc. III. 359. Recht. 38.

⁵ „in Wahrheit ist das Denken das sich selbst zum Willen bestimmende und das Erstere bleibt die Substanz des Letzteren“. Enc. III. 358 (Z.). Ср.: Recht. 49. 314. Ph. G. 11.

⁶ Enc. III. 358. (Z.).

⁷ Recht. 49.

⁸ Recht. 57.

⁹ Enc.

III. 359. Recht. 49. ¹⁰ Ср.: Enc. III. 359. Recht. 149. Rel. I. 77.

¹¹ „sich

in sich beschliessend“. Enc. III. 359.

¹² „sich aus sich erfüllend“. Enc. III. 359.

¹³ „sich selbst den Inhalt gebend“. Enc. III. 359. 385. Recht. 48. 49.

¹⁴ Recht.

с собою“.¹ Сущность воли в том, что она повинуется только себе² и, сливаясь с собою,³ остается „у себя“.⁴

А это и означает, что *воля свободна*:⁵ ибо самоопределение есть не что иное, как сама свобода. Воля, не определяющая себя самодетельно и самостоятельно, есть не „воля“, но осуществленная „неволя“. Этим разрешается для Гегеля и антиномия свободы-необходимости. Воля в своем истинном и полном значении — разумная воля — свободна потому, что свобода составляет ее природу,⁶ „ее понятие или субстанциальность“;⁷ свобода есть сущность воли,⁸ подобно тому как тяжесть есть сущность тела,⁹ а „уверенность“ есть сущность самосознания.¹⁰ Воля свободна потому, что *ей свойственно относиться только к себе и ни к чему более*;¹¹ она свободна потому, что независимость от всякого инобытия¹² составляет ее стихию. Воля, живущая на уровне разума, направлена всецело в свои недра, и поэтому она обладает истинной бесконечностью: „она сама есть свой предмет“;¹³ а это означает, что она не имеет ограничивающего ее инобытия, но в творчестве своем возвращается к себе.¹⁴

Эта обращенность воли к ее собственной сущности может быть выражена так, что *она есть предмет своего воления, осуществляемый посредством разумного и систематического раскрытия своей сущности*.

То, чего желает разумная воля, есть *ее собственная сущность*; т. е. она желает полного *самоопределения и абсолютной свободы*. Разумной воле свойственно, чтобы ее „определением“, ее „содержанием“, ее „целью“ и ее „существованием“ была свобода.¹⁵ Воля сама ставит себе цель,¹⁶ и цель ее — она сама, т. е. ее свобода. Это предполагает, что воля опознала свою истинную сущность; что она имеет бытие не только „по себе“, но и „для себя“.¹⁷ Такая воля является субъективно-зрелой волей: она выходит из себя, становится *объективным духом* и создает себе „мир свободы“¹⁸ — в организованной общественности, в праве, нравственности и государстве.

Таково „понятие“ воли: это есть *спекулятивно освободившееся разумное мышление человека, творчески стремящееся к полноте удовлетворения, т. е. к абсолютной свободе*. Воля есть самоопределение разума, само определившее себя к осуществлению абсолютного самоопределения.

¹ Recht. 152. 153.   ² Ср.: Ph. G. 46.   ³ Recht. 42.   ⁴ Enc. III. 359.
⁵ Enc. III. 359. Recht. 56. 152. Ph. G. 46. Rel. I. 77. См. главу тринадцатую.
⁶ Enc. III. 250. (Z.).   ⁷ Recht. 42.   ⁸ Ср.: Recht. 56. 61. 148 и др.
⁹ Recht. 42.   ¹⁰ Enc. III. 250. (Z.).   ¹¹ Recht. 58.
¹² Recht. 58.   ¹³ Recht. 57—58.   ¹⁴ „nur in sich zurückgekehrt ist“. Recht. 58.
¹⁵ Enc. III. 359. 360. (Z.). Recht. 62.   ¹⁶ Recht. 45.
¹⁷ Recht. 46. 58.   ¹⁸ Enc. III. 360. (Z.).

В этом *сущность зрелой воли*, или ее „понятие“. Однако наряду с зрелым состоянием воли возможны, очевидно, и незрелые, низшие состояния. Необходимо иметь в виду, что „воля“ есть *воля человека, некое целостное состояние человеческого существа*. Это означает, что *зрелая воля* есть действительный „образ мира“, допускающий наряду с собою незрелые „явления“ и вмещающий в себе *двойную природу*: спекулятивную, или бесконечную, и эмпирическую, или конечную.

Воля, как и всякое другое видоизменение Божества, может обстоять и действовать или в непроявленном, скрытом виде, оставаясь в глубине человеческого существа и утверждая свою природу только „сама по себе“ (an sich); или же в раскрытом осуществленном виде, на уровне сознания и самосознания, — „сама по себе и для себя“ (an und für sich). Однако в своем скрытом, непроявленном, „неопределенном“ виде она не перестает быть волею: она остается как бы „нейтральной“, но „бесконечно оплодотворенной“ силой, „первоначальным зерном“,¹ содержащим в себе и производящим из себя „все определения и цели“. Для того чтобы раскрыть и осознать свою сущность, для того, чтобы осуществить себя как свободное самоопределение, воля должна принять и проработать свою эмпирическую сущность, приобщить себя „быванию“, стать *существующей волей и победить элемент своего существования*. Тогда только воля получит значение „действительного образа“, состоящего из „сущности“, победившей свое „существование“; тогда только она станет, по выражению Гегеля, „идеєю“;² ибо „понятие“ воли и „предмет“ воли совпадут и превратятся в тождество.³

Этот процесс созревания воли Гегель выражает нередко так, что ее „всеобщая сущность“ принимает вид „единичного явления“, а „единичная“ воля, углубляясь в себя, устанавливает свое спекулятивное тождество со „*всеобщей волей*“. Этот процесс выходит уже за пределы субъективного духа, хотя и начинается в его глубине.

Для того чтобы верно понять природу „*всеобщей воли*“, необходимо иметь в виду основное воззрение Гегеля на жизнь Бога и мира. Согласно этому воззрению, Божество есть *единая „всеобщая“ субстанция всякого бытия*, а явления мира — вещи и души, растения, животные и люди суть подчиненные „единичности“, „акциденции“ или, вернее, живые „модусы“ этой субстанции. При этом *всеобщее входит в единичное как его живая сущность, а единичное входит во всеобщее как его живая часть*;⁴ „всеобщее“ есть абсолютно-реальная, творческая стихия,

¹ Ср.: Recht. 48.

² Ср. напр.: Recht. 132. 149. 171; ср.: Recht. 48. 145.

³ Епс. III. 373; ср.: Recht. 62. 149. 210.

⁴ См. главу пятую.

пронизывающая всякую „единичность“, но скрытая в ней и индивидуализированная ее пределами; эти пределы не позволяют свободной субстанции выйти на свободу и *явиться* в мире так, как это соответствует ее природе. Свободная всеобщность остается „*только сущностью*“ до тех пор, пока ей не удастся преодолеть косную стихию инобытия, или, что то же, пока „единичность“ не осознает в себе свою всеобщую сущность и не отдастся ее духовной и абсолютной силе.¹ Тогда всеобщность перестает быть „только сущностью“ и становится „*явившейся сущностью*“ — тождеством „сущности“ и „существования“, „понятия“ и „реальности“, т. е. действительным „образом мира“ или трижды реальною „идеею“.²

Этот порядок осуществляется в *мире* на разных уровнях, или, что то же, в разных „элементах“. Однако с особенной стройностью он раскрывается в *конкретной нравственности*, где „единичная воля“ сливается со „всеобщую волею“, и в абсолютной религии, где „верующая душа“ приемлет в себя „жизнь и любовь единого Бога“. Гегель успел дать продуманное и зрелое выражение только учению о нравственной жизни людей и оставил систематическое учение о религии в виде черновых набросков. Учение о „всеобщем“ как живой, конкретной тотальности остается поэтому, строго говоря, достоянием его *Логики и Философии Права*: там оно раскрывается в элементе реальности — чистой, божественной мысли; здесь — в элементе „действительной“ человеческой воли.

Всеобщая воля есть особое состояние *Божественной*³ стихии в мире и притом именно в *человеке*. Это есть видоизменение самого Понятия, Разума или спекулятивной мысли. Воля как *субстанциальный корень* человеческой души именно потому *всеобща*, что она есть видоизменение мыслящего себя Смысла:⁴ ибо мышление, — и по деятельности своей и по предмету своему, — всеобще.

Поэтому всеобщая воля *живет ритмом и целью Понятия*: она создает единичные воли из себя путем „спецификации“; она входит в них в качестве их скрытой, живой сущности и включает их в себя как свои живые части; она имеет всеобщую цель и всеобщий предмет — себя и свою свободу; и, осуществляя ее, она достигает *тождества* между собою и своими явлениями, т. е. индивидуальными волями людей.

Это означает, прежде всего, что необходимо различать между всеобщую волею как „по себе сущей субстанцией“ и единичною волею как „для себя сущим явлением“. Только *конкретное*

¹ См. главу тринадцатую.
Recht. 334. Ph. G. 40.

² См. главу двенадцатую.

³ Ср., напр.:
⁴ Ср.: Епс. III. 359. 359. Recht. 49. Ph. G. 38. Rel. I. 77.

тождество их дает „истину“, т. е. совпадение „всеобщей субстанции“ с „единичным явлением“, истинную „всеобщую волю“, сущую „по себе и для себя“ (an und für sich). Сращение или отождествление между „всеобщей волей“ и „индивидуальной волей“ совершается дважды: первый раз в пределах „субъективного духа“ и второй раз в пределах „объективного духа“. Человек находит в себе божественно-разумную стихию воли два раза: сначала в своей замкнутой жизни, приводящей *его* к признанию *себя* индивидуально-свободную волю, а потом в общении и общественной жизни, приводящей *всех* людей к признанию себя — *единою спекулятивною стихиею „народного духа“*.

Сначала воля есть „*по себе сущая субстанция*“ субъективного духа. Она скрыта в его глубине как „гений его самости“, как его истинное „понятие“.¹ Человек часто не знает этого, не видит и не признает своей истинной, разумно-волевой природы; тогда он определяет себя чувством и страстью и вступает на путь блужданий. Однако это заблуждение не в состоянии изменить сущности дела: всеобщность разумного самоопределения *остается его подлинною не освобожденною природою*, или, формально говоря, — его предначертанным долженствованием.² Без мысли нет человека; она пробивается в нем еще на ступени восприятия (Wahrnehmen) и сознания. А *мысль* есть уже *состояние всеобщности*. Стихия духа — самоопределяющегося мышления *остается „всеобщей“* даже в непосредственно-личной жизни человека.

Но именно в такой жизни и обнаруживается впервые различие между всеобщей волею как „по себе сущей субстанцией“ и единичною волею как „для себя сущим явлением“. *Сама по себе* воля *остается разумною, всеобщей и свободною*; ³ но в *явлении* своем она оказывается оторванною от субстанции единичностью, — „непосредственною или естественною волею“.⁴ На сокровенно-внутренних путях своих воля живет как „бесконечная сила“; а на путях внешнего явления она *остается „конечною“*⁵ и „формальною“⁶ волею, наполненною многообразным эмпирическим содержанием.⁷

Этот разрыв между двумя волями исцеляется, далее, в пределах „субъективного духа“ тем, что конечная воля в поисках полного удовлетворения обращается внутрь себя и признает свою бесконечно-разумную сущность. Она становится *свободною* и „сама по себе“, и „для себя“; то, что было скрыто в ней сущностью, становится осознанным достоянием и способом жизни

¹ Ср., напр.: Enc. III. 373. Recht. 46. 139. 173 и др. III. 361. ³ Ср.: Recht. 46. 47. ⁶ Recht. 48—49.

² Ср.: Enc. ⁵ Recht. 47. ⁴ Recht. 47. 252. ⁷ Recht. 48.

субъективного духа. Воля целостно определяет себя к свободе и переходит в сферу „объективного духа“.

Этот переход к „объективности“ означает, что разумная и всеобщая сущность духа должна *стать для него самого объектом*. Душа постигает, что она как *человеческая монада* внутренне свободна и вслед за этим выходит за пределы своего замкнутого существования. Воля уже признала свою субъективную всеобщность и видит себя в своеобразно-противоречивом состоянии: она сама как внутренне-всеобщая субстанциальная сила противостоит целому множеству „внешних“ существований и сама ограничена пределами субъективной монады. Инобытие, по-видимому, до конца побежденное субъективным духом, *вновь встает* перед ним, и это требует от него дальнейшего самоосвобождения. Воля, субъективно „свободная“ и „всеобщая“, должна стать *объективно „свободной“ и объективно „всеобщей“*.

Объективность, к которой обращается воля, имеет *троякий* характер: во-первых, это есть множество единичных, индивидуальных волей, т. е. „другие“ люди; во-вторых, это есть множество „естественных вещей“, представляющих сознанию, т. е. совокупность тех природных условий, в которых живет человек; в-третьих, это есть множество личных, человеческих потребностей и влечений, загорающихся в самой субъективной воле от общения с другими людьми и вещами. Все это образует „внешний материал“ для существования субъективно-зрелой воли и предназначает ей путь дальнейшего восхождения.

Этот путь состоит в том, что воля должна *открыть разумную и всеобщую природу* в своих новых „объективных“ предметах и осознать в себе ту, еще более глубокую *всеобщность*, которая *едина для всех людей, стоящих в общественном сожителстве*. Достигнуть этого значит *снять „противоречие“* между субъектом, уже разумным и всеобщим, и предметом, предстоящим в виде неразумного множества единичных существований; это значит также снять „противоречие“ между всеобщим, субстанциальным содержанием, созревшим в субъекте, и *внешней формой* его жизни — личной, конечной и ограниченной. Индивидуальная воля знает, что она *сама по себе* (т. е. в отрыве от других людей и вещей) *всеобща и разумна*, и притом не только „по себе“ (т. е. по своей сокровенной, субстанциальной сущности), но и „для себя“ (т. е. по своему эмпирическому самосознанию); теперь ей предстоит найти ту же всеобщность в других людях, *познать в них то, что она познала в себе*, и признать, что в них живет и творчески раскрывается *та же самая, единая стихия разумного самоопределения*, которая слагает и ее собственную сущность. Субъективная воля должна *познать свое спекулятивное тождество с другими субъективными волями*. Она должна убедиться и признать, что множество индивидуаль-

ных воля есть „множество“ лишь по своей *внешней видимости*, по своему *явлению*; по *существу* же это множество не *разъединено реально*, но образует одну единую *Всеобщность*, единую всеобщую волю, народный дух (Volksgeist). Эта единая всеобщая воля и есть та *духовная субстанция*, которая *входит в каждую единичную волю* в качестве ее живой сущности и *включает в себя все единичные воли* в качестве своих живых органов.

Согласно этому, всеобщая воля *трижды* оправдывает свое имя. Она всеобща, во-первых, потому что она есть единая *субстанция всяческого бытия*, сама Субстанция, само Понятие. Сам божественный Смысл. Она всеобща, во-вторых, потому что она есть всепроникающая сущность *субъективного духа*, всех его внутренних состояний и определений. Она всеобща, в-третьих, потому что она есть единая, разумно-волевая, духовная стихия *множества людей*, множества индивидуальных волей. Это есть общая всем людям сила разумного воления: однако „общая“ не в том смысле, что у каждого человека есть „своя воля“, а у многих людей есть „одинаковая душевная способность“; но в том смысле, что *Воля реально едина, а индивидуальные воли суть ее специфические видоизменения*.

Эти специфические „обособления“ единой всеобщей воли могут выражать ее божественную природу с большею и меньшею верностью. Индивидуальная воля может не знать, не сознать и даже не предполагать того, что она есть „явление“ и „орган“ единой субстанции. Однако это заблуждение не в состоянии изменить сущность дела: всеобщая воля народного духа остается всегда субстанцией единичной воли, но может быть *скрытой субстанцией, сущей лишь „по себе“*. Задача индивидуальной воли в том, чтобы осознать это и признать себя органом народного духа: тогда она постигнет свое тождество со всеобщей волей и с „другими“ людьми; тогда она поймет, что она свободна от „инобытия“ не только в своих собственных пределах, но и в „объективном“ порядке, ибо другие люди суть ее „соорганы“, объединенные с нею единой субстанциональной сущностью. Тогда субъективный дух станет *объективно свободным* и „по себе“, и „для себя“.

Так оправдывается здесь основное соотношение спекулятивных ступеней: последующее состояние есть всегда *реальная сущность* предшествующей ступени, ее субстанциальное зерно, скрытое в ней и раскрывающееся из нее, как из своей оболочки. Согласно этому, всеобщая воля народного духа лежит в основании субъективной воли, но субъективная воля не знает этого и узнаёт об этом только тогда, когда созревает внутренне до состояния разумной воли и вступает в сферу „объективности“. Это можно выразить так, что субъективный дух осознал *себя как субъективно-всеобщую волю*, т. е. обрел в себе самом *единую, разум-*

ную стихию мысли, которая свободна от своего объекта потому, что сама создает его (смысл имманентен мышлению), и которая всеобща, потому что субстанциально пронизывает весь внутренний мир монады (воля есть разумная всеобщность душевной монады). Однако теперь субъективному духу предстоит осознать нечто большее: не „онтогенетическую“, а „филогенетическую“ всеобщность воли. Это означает, что субъективная всеобщность воли есть индивидуальное выражение объективной (т. е. социально-духовной) всеобщности, осуществившееся в индивидууме как органе народного духа. Иными словами: разумный дух каждого отдельного человека есть „единичный модус“, специфическое видоизменение „всеобщей воли“ его народа.

Понятно, что на самом деле „всеобщая воля“ совсем не противостоит единичной воле. Взятая отвлеченно, всеобщая воля есть абстракция, чистая, безразличная неопределенность;¹ точно так же единичная воля сама по себе есть абстракция, дурная, отъединенная, непосредственно-личная ограниченность. Истина лежит в их единстве. Всеобщая воля слагается и состоит из единичных волей, так как абсолютная первооснова слагается из своих живых частей.² Единичная воля скрывает в себе ту всеобщую духовную стихию, которая живет „во всех и в каждом“.³ Истина лежит, как всегда, в конкретном тождестве трех моментов: всеобщего как начала, подъемлющегося над каждым данным содержанием, все в себе разрешающего и бесконечно рефлектирующего;⁴ особенного, как начала различающего, определяющего и ограничивающего;⁵ и единичного, как начала, сочетающего в себе содержательную определенность с властью бесконечной рефлексии.⁶ Эти три момента в сращении образуют систему единичных человеческих волей, живущих единым подъятым и ассимилированным, всеобщим содержанием; или, что то же, они образуют единую субстанцию народного духа, дифференцировавшую себя и разложившую себя на систему единичных человеческих волей. Всеобщее входит в единичное, как в свою живую часть, а единичное содержит в себе всеобщее, как свою живую сущность.

Задача субъективного духа должна быть теперь ясна: ему предстоит осознать и усвоить это истинное положение вещей. Субъективно-зрелая воля должна „принять“ бытие множества других людей и вещей так, как она уже приняла однажды множество своих душевных и телесных состояний; она должна вступить в творческое — воспринимающее, чувствующее, алчущее, сознающее и преодолевающее — отношение к ним, изжить в этом свои влечения и проложить себе дорогу к разумному

¹ Recht. 38. 40. 41.
38. См. главу пятую.

² Ср.: Mollat. I. 54.
⁵ Recht. 40.

³ Phän. 442. 443.

⁴ Recht.

⁶ Recht. 42.

отождествлению со своими объектами; познанием и волею должна она выстрадать свое тождество с другими людьми, чтобы признать себя в них и их в себе, и всех вместе — единым народным духом;¹ и, наконец, она должна творческой² жизнью в едином народном духе, подлинно усвоить себе его всеобщую волю и его всеобщие цели³ и превратить вещественную обстановку народной жизни в покорное тело народного духа. Это и есть путь к объективной свободе духа; она достигается только через осознание и осуществление всеобщей воли как „источника всех единичных волей“.⁴

Так возникает учение Гегеля о праве, морали и нравственности. Все эти ступени объективного духа представляют из себя, прежде всего, состояния или модификации субъективно-зрелой воли, т. е. разумной, свободной и субъективно-всеобщей. Этим и определяется их родовая сущность.

Глава шестнадцатая

ПРАВО

Можно установить в науке как общее правило, что сущность вопроса и характер его постановки предопределяют собою содержание отвечающей теории и притом, чем сильнее и зрелее мысль ученого, тем эта связь между вопросом и ответом оказывается теснее и глубже. Философия права Гегеля является тому поучительным примером. Комментатор и критик будут рисковать непониманием ее до тех пор, пока не вскроют с полной ясностью самую проблему, поставленную Гегелем. А проблема его вырастает из глубоких корней его общего метафизического воззрения.

Философия права Гегеля есть зрелый и естественный плод его метафизики. Вся сложность, вся тяжеловесность и вся самобытная глубина его философии перенесены им и в эту область, и в результате один из наиболее сложных предметов научного знания получил самое необычайное и явно переобремененное истолкование. Эта необычайность выражается уже в том, что Гегель пользуется основными терминами юриспруденции в совершенно своеобразном и трудно уловимом значении, так что мыслителю-юристу, требующему от своих построений прежде

¹ См. главы восемнадцатую и двадцатую.

² Enc. III. 373—374.

³ Enc.

III. 359. Recht. 313.

⁴ „Quelle aller Einzelner“. Ph. G. 44.